
Уютный детектив
Сноска,
или
Смерть
в читальном зале
ФОНД РЕДКИХ КНИГ
АРХИВЫ
РУКОПИСИ
КАТАЛОГИ
КРАЕВЕДЕНИЕ
БИБЛИОТЕКИ
Гранин В. А.
Тихореченская публичная библиотека. История в лицах

Милана Панова

Сноска или Смерть в читальном зале

https://litres.ru/74700197
SelfPub; 2026

Аннотация

Библионочь в старой городской библиотеке: чтения при свечах, костюмы героев, пятнадцать кошек и пирожные. Краевед Гранин обещает в полночь рассказать «то, что многих расстроит». Но в полночь гаснет свет, а потом в закрытом Фонде редких книг находят его самого. У него в кулаке каталожная карточка, а рядом тяжёлый словарь с пятном крови. Полиция говорит: несчастный случай. Корректор Нина Платонова так не думает. В рукописи Гранина шестьсот сорок сносок, и семнадцать из них стоят не там, где должны. Книга самостоятельная, читать можно отдельно от предыдущих частей.

Содержание

Глава 1. Рукопись с сорока сносками 4
Глава 2. Библионочь 12
Глава 3. Скаски 21
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Милана Панова
Сноска или Смерть в читальном зале

Глава 1. Рукопись с сорока сносками

В апреле Тихоречье пахнет мокрой землёй, талым снегом и свежей краской: дворники красят скамейки, и каждая из них первые три дня служит ловушкой для пальто. Я пришла в издательство в понедельник в половине девятого и сразу же вляпалась в эту ловушку. Присела на скамейку у входа проверить телефон. Встала с синей полосой на спине.

— Нина Сергеевна, — сказала Агафья Тихоновна, увидев меня в дверях. — Вы опять на свежей краске?

— Откуда вы знаете?

— Вы каждую весну на ней сидите. Давайте, я потру.

Меня зовут Нина Платонова, я корректор, заместитель директора по редакционной работе в издательстве «Красная строка». Если вы читали про мои прежние истории, то знаете: за последний год я успела оказаться в усадьбе с мёртвым критиком, в типографии с тайным тиражом и в поезде, за-

стрявшем в метели. Если не читали, ничего страшного. Эта книга самостоятельная, и всё нужное я объясню по ходу дела.

В тот понедельник на моём столе лежала папка. Толстая, серая, перевязанная резинкой, с аккуратной надписью красным маркером: «Гранин В. А. Тихоречская публичная библиотека. История в лицах. Рукопись. Для корректуры».

— Это что? — спросила я.

— Маргарита Викторовна оставила, — сказала Агафья Тихоновна. — Говорит, срочно, к субботе.

— К субботе? Там страниц четыреста.

— Четыреста восемьдесят, — раздался голос из-за двери.

Вошла Маргарита Викторовна. На ней было светло-серое пальто, шарф цвета морской волны и очень решительное выражение лица. Абзац, шедший следом, тяжело сопел и косился на Эклера, который сидел на подоконнике и притворялся, что бульдога не существует.

— Нина Сергеевна, — сказала она. — Выручайте. Всеволод Аркадьевич Гранин, краевед, пишет историю нашей городской библиотеки. Шестьдесят восемь лет, человек с характером, привык, чтобы его книгу печатали вчера. Типография готова в среду. Я обещала, что корректура будет в пятницу.

— Но суббота…

— В субботу ночью в библиотеке «Библионочь». Это праздник: библиотеки работают до утра, читатели приходят с пледами и термосами, устраивают чтения, квесты и мас-

карады. Гранин хочет на этом празднике показать готовую книгу. Мы должны успеть.

— Вы уверены, что я справлюсь?

— Я уверена, что справитесь лучше, чем кто-либо. — Она улыбнулась. — Но есть одна сложность.

— Какая?

— Сноски.

Я развязала резинку и открыла папку. Первая страница. Вторая. Третья. На каждой, внизу, мелким шрифтом тянулись примечания: «Там же», «См.:», «Ср.:», «Инв. №», «Ф. 2, оп. 1, ед. хр. 17», «Указ. соч.». Я пролистала ещё двадцать страниц. Сноски шли сплошной стеной, как забор из мелкого бисера.

— Сколько их?

— Сорок на каждую главу. Всего в книге шестнадцать глав.

— Шестьсот сорок сносок.

— Именно.

Сноски — это ад корректора. Не потому, что их трудно набирать. А потому, что в них всегда кто-нибудь ошибается: то год, то страница, то инициалы автора, то слово «там же» стоит после ссылки на совсем другую книгу. Для проверки приходится держать в голове всю библиографию и перелистывать кучу первоисточников. Это работа детектива, только вместо отпечатков пальцев ищешь опечатки в датах.

— Я отдам вам в помощь Катю, — сказала Маргарита

Викторовна. — Она волонтёр в библиотеке. Будет сверять номера по картотеке.

— Катя? Она же на юрфаке.

— Говорит, что ей нужна практика в архивном деле. Для следственного ремесла.

Я не стала спорить. Катя Громова, девятнадцатилетняя дочь капитана полиции Андрея Громова, давно уже считала себя членом нашей небольшой команды, а мы с Андреем после январского поезда как-то незаметно привыкли к этому.

— Значит, суббота, — сказала я.

— Суббота. — Маргарита Викторовна положила ладонь на папку. — И, Нина Сергеевна…

— Да?

— Если там что-нибудь будет не так, не пропускайте.

— Что может быть не так?

— Не знаю. — Она помолчала. — Но Гранин вчера звонил мне в десять вечера. Голос был странный. Он сказал: «Маргарита, в этой книге есть то, что многих расстроит». Я спросила, что именно. Он ответил: «Читайте сноски».

Я посмотрела на папку. Потом на Маргариту Викторовну.

— Читать сноски, — повторила я. — Ну что ж. Это я умею.

Эклер спрыгнул с подоконника, подошёл к столу, обнюхал резинку, чихнул и улёгся на первую страницу. С этого момента рукопись стала нашей общей.

К вечеру среды я прочла шесть глав. Катя сидела рядом

на подоконнике, с блокнотом на коленях, сверяла номера с каталожными карточками, которые приносила из библиотеки в коробке из-под обуви, и время от времени вскрикивала: «Ага!» или «Нина Сергеевна, тут год не тот!». К четвергу я знала о Тихоречской публичной библиотеке больше, чем нужно любому нормальному человеку. Что её основал в 1887 году купец Ширяев, тот самый, чей особняк занимает наше издательство. Что в революцию её фонды спрятали в бане. Что в девяносто первом году, во время реформ, из фонда редких книг пропала часть коллекции, и дело замяли.

— Дело замяли, — сказала я вслух, перелистывая страницу.

— Что? — спросила Катя.

— Гранин пишет: «История о пропаже редких книг в начале девяностых до сих пор не получила объяснения. Автор настоящей работы надеется, что приводимые ниже документы прольют свет». Он ссылается на какие-то акты. Вот, сноска сто шестьдесят четыре: «Акты приёма-передачи редких изданий, 1991–2019. Хранятся в Фонде закрытого хранения, шкаф 4».

— До две тысячи девятнадцатого?

— Ага.

— Но пропажа была в девяносто первом.

— Значит, она продолжалась.

Катя перестала писать.

— Нина Сергеевна. Вы хотите сказать, что книги крали

тридцать лет?

— Я хочу сказать, что у Гранина странные сноски. Они ведут не туда, куда должны.

Я перелистала дальше. На странице двести девятнадцать сноска шла внизу, мелким шрифтом: «Там же». Но предыдущая сноска ссылалась на статью в журнале «Библиотечное дело» за 1989 год, а «там же» стояло после ссылки на архивную папку. Я перечитала три раза. Потом поставила карандашом знак вопроса и заметила, что в книге таких вопросов уже накопилось семнадцать.

— Нина, — тихо сказала Катя. — Мне кажется, он нарочно.

— Что нарочно?

— Путает. Пишет «там же», когда нужно другое. Может быть, это шифр?

— Шифр в сносках?

— Это всё, что у человека есть, когда он боится говорить вслух.

Я посмотрела на неё. Серые отцовские глаза, красный свитер с зайцем, блокнот, в который она заносила всё подряд. Двадцать лет назад я бы сказала, что девочка начиталась детективов. Но я знала Катю достаточно хорошо, чтобы понимать: она не фантазирует, а видит.

— Хорошо, — сказала я. — Давайте предположим, что он писал для тех, кто умеет читать.

— То есть для вас?

— Для корректора.

Эклер приоткрыл один глаз и посмотрел на нас с таким видом, будто давно это знал.

В пятницу вечером, когда я дочитывала последнюю главу, в дверь постучали. Вошёл Андрей. В тёмном свитере, без формы, с пакетом пирожков из булочной на углу. Он давно привык приходить ко мне вечерами, и, по-моему, мы оба уже перестали делать вид, что это случайность.

— Ты ещё читаешь, — сказал он.

— Дочитываю.

— Можно я посижу?

— Сиди.

Он сел в кресло, достал из пакета пирожок, откусил, глядя на папку.

— Что за книга?

— История библиотеки.

— Звучит скучно.

— Звучит, но не читается.

— То есть читается захватывающе?

— То есть я боюсь, что автор что-то знает.

— Что?

— Не знаю. Он спрятал это в сносках.

Андрей прожевал, помолчал.

— Нина, — сказал он. — Завтра ты идёшь на Библионочь.

— Да.

— Я тоже. Катя позвала.

— Как хорошо.

— Это не повод для радости. Я чувствую, что опять что-то будет.

— Андрей, — сказала я. — Это просто библиотека.

— Я знаю. — Он вздохнул. — Но всякий раз, когда ты говоришь «просто», потом оказывается, что нет.

Я засмеялась. Он улыбнулся. Эклер, наблюдавший за нами с подоконника, зевнул, потянулся и лёг, повернувшись к нам спиной. Что означало: «Делайте что хотите, я устал от ваших пророчеств».

Но он ошибся. Пророчество сбылось ровно через сутки.

Глава 2. Библионочь

Тихоречская публичная библиотека стоит на Книжной улице, в самом сердце старого города. Это высокое, жёлтое здание с белыми колоннами, лепниной над окнами и тяжёлой дубовой дверью, которая открывается с таким медленным, торжественным скрипом, будто сама понимает, что вы входите не куда-нибудь, а в храм слова.

В субботу вечером перед ней собралась толпа. Люди в пледах и пальто стояли в очереди, держа в руках термосы, плюшевых зверей и огромные пакеты с печеньем. Над дверью висел плакат: «Библионочь-2027. Ночь, когда книги не спят». Рядом, на лестнице, дежурили волонтёры в красных жилетах, раздавая желающим бумажные закладки с картой библиотеки и надписью «Квест "По следам читателя"».

— Нина Сергеевна! — закричала Катя, увидев нас. Она бежала по ступенькам вниз, в красной жилетке поверх свитера, с блокнотом в одной руке и пачкой листовок в другой. — Вы пришли!

— Конечно.

— Андрей Николаевич…

— Папа, — поправил Андрей.

— Папа, ты тоже! Пойдёмте скорее. Алевтина Прокофьевна вас ждёт.

Нас провели через главный зал. Это было огромное по-

мещение, двусветное, с галереей на втором ярусе, куда вела витая чугунная лестница. На стенах висели портреты писателей, под потолком хрустальные люстры, на полу ковровая дорожка цвета старого вина. Вдоль стен высились стеллажи до самого потолка, заставленные книгами в кожаных, холщовых, бумажных переплётах. Пахло пылью, воском и чуть-чуть пряностями, как в лавке старого букиниста.

— Красота, — сказал Андрей почти шёпотом.

— Да, — сказала я.

— Я не был здесь с детства.

— Сколько лет назад?

— Тридцать.

— Тебе же сорок шесть.

— Тогда мне было шестнадцать. Я пришёл за «Тремя мушкетёрами». Библиотекарша, суровая такая дама, спросила: «Вы читали „Двадцать лет спустя“?» Я сказал, что нет. Она сказала: «Тогда и „Мушкетёров“ рано». Выдала мне «Двадцать лет спустя». Я просидел над ней всю ночь.

— И?

— И понял, что хочу быть следователем, — улыбнулся он. — Потому что там всё про расследование.

— Тогда и благодарность библиотекарше.

— Она давно умерла.

— А ты ей скажи на словах.

Он взглянул на меня и вдруг засмеялся, тихо, совсем не по-полицейски. Я увидела, как у него на щеках собираются

морщинки.

— Нина Сергеевна, — раздался рядом строгий голос. — Какая радость.

К нам шла высокая, статная женщина лет шестидесяти двух, в тёмно-зелёном костюме с камеей на лацкане. У неё были седые, гладко зачёсанные волосы, тонкие губы и очень светлые глаза, которые смотрели на мир из-под очков с выражением строгой ласки. Это была директор библиотеки Алевтина Прокофьевна Верещак, чьё имя я знала по десяткам сносок из рукописи Гранина.

— Алевтина Прокофьевна, — сказала я. — Очень рада познакомиться.

— Я вас читала.

— Меня?

— В газете «Вечерний Тихоречск». Там писали про издательство. И про вас: что вы нашли Вольского.

— Нашла не я, — смутилась я. — Мы нашли.

— Скромность украшает. — Она протянула мне руку. — Вы корректор?

— Да.

— Вот и хорошо. У нас сегодня как раз та ночь, когда ошибки видны особенно ясно.

Она повела нас дальше, по залам. По дороге рассказывала. Что в этом году на Библионочь записалось пятьсот человек. Что в читальном зале «Литературный маскарад»: можно прийти в костюме любимого героя. Что в детском отделе

чтения при свечах. Что на втором этаже шахматный турнир, а в подвале квест с загадками «по следам читателя».

— И сюрприз, — добавила она, понижая голос. — В полночь Гранин объявит что-то важное.

— Что именно?

— Не говорит. Только подмигивает. Он вообще театральный человек.

— Вы с ним давно знакомы?

— Сорок лет. — Она слегка поджала губы. — Он у нас работал краеведом в отделе. Потом ушёл на пенсию, но каждую неделю заходит. Пишет, роется в архивах. Мы привыкли.

— Но вам нравится его книга?

— Я её не читала. Он не показывает. — В голосе её прозвучала едва заметная обида. — Говорит: «Прочтёте, когда напечатаю».

Мы подошли к высоким двустворчатым дверям с табличкой «Читальный зал». Из-за них слышался смех, звон ложечек и сдавленное мурлыканье.

— Что там? — спросила Катя.

— Кошки, — сказала Алевтина Прокофьевна. — Сегодня у нас кошачий день. Приходите смотреть.

Она открыла дверь. И я увидела зал, в котором я, кажется, мечтала оказаться всю жизнь.

Длинные столы под зелёными лампами. Стулья с высокими спинками. На столах стопки книг, раскрытые тома, термосы, тарелки с пирожными. По залу бродили люди в

костюмах: кто-то в плаще Шерлока Холмса, кто-то в пышном платье Наташи Ростовой, кто-то в шляпе мадам Бовари. А на подоконниках, диванах, столах сидели кошки. Серые, чёрные, рыжие, пятнистые. Их было, наверное, штук пятнадцать, все чужие, принесённые хозяевами «на праздник». Они лениво щурились на свет и совершенно не обращали внимания на людей.

— Ой, — тихо сказала я.

— Что? — спросил Андрей.

— Эклер.

— Что Эклер?

— Он остался в издательстве.

— Ты оставила кота дома?

— Он сказал, что устал.

— Но вот же он, — сказала Катя.

Я обернулась. С подоконника, мягко, как с пуховой подушки, спрыгнул рыжий комок и важно, неторопливо пошёл к нам по ковровой дорожке. Следом за ним, с видом оскорблённого достоинства, плёлся Абзац.

— Как они сюда попали? — ахнула я.

— Я привела, — раздался голос. В дверях стояла Маргарита Викторовна в вечернем платье. — Абзац настоял. И Эклер залез в корзинку сам.

— Маргарита Викторовна…

— Нина Сергеевна, это же Библионочь. Здесь можно всем.

Эклер подошёл ко мне, потёрся о ногу, потом выпрямился и демонстративно повернулся к залу. В этот момент из-под ближайшего стола вылезла кошка. Крупная, серая, с гладкой шерстью и огромными жёлтыми глазами, в синем бархатном ошейнике с серебряным колокольчиком. Она остановилась в двух шагах от Эклера и тихо, веско сказала: «Мрр».

— Это Формуляр, — пояснила Алевтина Прокофьевна с гордостью. — Наша библиотечная кошка. Живёт здесь двенадцать лет. Все читатели её знают.

— Формуляр? — повторила я.

— Это такая библиотечная карточка, в которой записывают, кто что взял.

— Я знаю.

— А кошка, видите ли, всё замечает. Кто пришёл, кто ушёл, кто что унёс. Так что не обижайтесь, если она на вас смотрит.

Формуляр посмотрела на Эклера. Эклер посмотрел на Формуляр. Это длилось секунд десять. Потом оба одновременно отвернулись, и мы все облегчённо выдохнули.

— Они договорились, — сказала Катя.

— Скорее, объявили нейтралитет, — сказал Андрей.

— Кошки умнее нас, — сказала Маргарита Викторовна. — Они не воюют, пока не придёт время.

Время, как оказалось, ещё не пришло. Нас усадили за длинный стол, налили чаю в гранёные стаканы, поднесли пирожные «эклер» (смех в зале, поскольку Эклер тотчас про-

тянул лапу), и начался вечер.

Читали стихи. Читали отрывки из «Мастера и Маргариты». Читали письма Чехова к жене. Семилетняя девочка в костюме Алисы прочла наизусть «Бармаглота», а старик в чёрном пальто с лиловой косынкой, по которой я узнала краеведа-соперника Игнатия Семёновича Пыжова, сказал короткую речь о значении чтения для демократии. Все хлопали. Кошки зевали.

В одиннадцать часов вечера в зал вошёл высокий седой человек в старомодном пальто и круглых очках. Он нёс под мышкой толстую папку, и по тому, как люди расступились перед ним, я поняла: это Гранин.

Всеволод Аркадьевич Гранин оказался совсем не таким, каким я его себе представляла. Я рисовала в воображении дородного, медлительного краеведа с брюшком и одышкой. А передо мной стоял сухой, быстрый, нервный человек лет шестидесяти восьми, с тонким лицом, глубоко посаженными глазами и такими длинными пальцами, что каждый жест казался танцем. Он ходил по залу, пожимал руки, кивал, улыбался, но глаза его были серьёзны. Серьёзны и тревожны.

— Маргарита, — сказал он, подходя к нам. — Вы привезли?

— Привезла, — сказала Маргарита Викторовна. — Нина Сергеевна, познакомьтесь.

— Корректор, — сказал Гранин, и в его голосе прозвучало что-то, похожее на облегчение. — Я хотел вас видеть. Вы

читали?

— Читала. Почти всё.

— И?

— Сноски очень интересные.

Он замер. На секунду мне показалось, что он перестал дышать.

— Вы их заметили, — тихо сказал он.

— Да.

— Все?

— Не знаю. Только семнадцать странностей.

— Семнадцать, — повторил Гранин, и вдруг лицо его озарилось. — Спасибо. Я… Простите. Я не смею вас задерживать. В полночь я расскажу всем. А сейчас мне нужно кое-что проверить.

— Что?

— В фонде. Одну книгу.

Он быстро кивнул Андрею, Маргарите Викторовне, мне, и пошёл к выходу, прижимая папку к груди.

— Странный человек, — сказала Катя.

— Он боится, — сказала я.

— Чего?

— Не знаю. Но очень.

В зале заиграла музыка: кто-то включил старый патефон с пластинкой «Подмосковных вечеров». Люди начали вставать, танцевать, смеяться. А я смотрела на закрывшуюся дверь и думала о том, что корректор, которому говорят «спа-

сибо» за найденные странности, обычно уже знает, чем это закончится.

Формуляр, сидевшая под столом, тихо, как будто поняв меня, вздохнула.

Глава 3. Скаски

В четверть двенадцатого Алевтина Прокофьевна объявила, что сейчас в «Фонде редких книг» откроют выставку, на которую обычно допускают только избранных. По случаю Библионочи сегодня двери будут открыты для всех.

Мы пошли толпой. Фонд оказался на втором этаже, за массивной железной дверью с кодовым замком и табличкой «Фонд закрытого хранения. Вход по пропускам». Рядом, на стене, висел маленький электронный считыватель, в который заведующая, невысокая сухощавая женщина лет пятидесяти по имени Зоя Львовна Брусникина, приложила карточку. Замок щёлкнул. Дверь открылась.

— Прошу, — сказала Зоя Львовна. Голос у неё был тихий, ровный, чуть робкий, как у человека, привыкшего говорить в тишине.

Мы вошли.

Помещение было небольшим, почти квадратным, с низким сводчатым потолком и узкими окнами, забранными решётками. Вдоль стен тянулись высокие стеллажи с книгами в потрёпанных переплётах. Посередине, на столе, покрытом зелёным сукном, под стеклянными колпаками лежали экспонаты: золочёные Евангелия, рукописный требник, первое издание «Евгения Онегина» в отдельных выпусках, письмо Тургенева, фотография Горького с автографом.

— Это самые ценные вещи нашей библиотеки, — сказала Алевтина Прокофьевна. — Мы показываем их раз в год.

Люди обходили стол медленно, шёпотом, не решаясь дышать. Я шла вдоль стеклянных колпаков и вчитывалась в этикетки. «Онегин. 1825–1832». «Требник. XVII в.». «Евангелие. 1802». «Пряхин З. Д. Сказки тихой реки. 1911».

Последняя книга лежала в самом конце стола, на тёмно-синей бархатной подушечке, раскрытая на титульном листе. Небольшая, в потёртой обложке цвета выгоревшей травы, с красивым шрифтом, с виньеткой в виде ивы над рекой. Я наклонилась, прочла надпись под стеклом: «Первое издание. Тираж 500 экз. Одна из семи сохранившихся книг. Подарена библиотеке в 1919 году вдовой автора».

И замерла.

— Нина? — тихо спросил Андрей, оказавшийся рядом.

— Секунду.

Я достала из сумки лупу, которую, как и красный карандаш, всегда носила с собой, и склонилась над стеклом.

Название на титульном листе было набрано крупно, красивыми буквами: «СКАЗКИ ТИХОЙ РЕКИ».

Я перечитала. Ещё раз. Потом выпрямилась и очень медленно, чтобы не показать волнения, спросила:

— Андрей, ты знаешь, что в первом издании этой книги есть опечатка?

— В какой?

— Название. «Сказки» на титуле набрано как «Скаски».

Без «з».

— И что?

— Это знаменитая опечатка. Букинисты называют её «скасочной». Из пятисот напечатанных экземпляров в тираж ушло только двести, с ошибкой, потому что типограф заметил на втором листе и остановил станок. Остальное допечатали с исправлением. Поэтому экземпляры с «Скасками» на вес золота. Самый дорогой лот, который я знаю, шёл на аукционе за четыре миллиона.

— А здесь?

— А здесь «Сказки». С «з». Правильно написано.

Он молчал секунд пять. Потом тихо сказал:

— Значит, это не то издание.

— Это допечатка. Тоже ценная, но в сто раз дешевле. Или копия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.